

— Ся Таочжи, ты смеешься над Лао-цзы? — Ся Янь уставился на нее зловецим взглядом.

— Нет, — Ся Таочжи села прямо и посмотрела на далекие поля, чувствуя себя спокойно.

— Ты не смеешь оценивать его, — хотя Се Янь так и сказал, в душе он знал, что если она будет оценивать его, то значит, она будет думать о нем.

— Ся Таочжи, я...

— Се Янь, — Ся Таочжи посмотрела на него. — Можешь ли ты оставить своего Лао-цзы!

Се Янь посмотрел в ее яркие глаза, отвернулся и холодно фыркнул:

-= Не беспокойся о делах Лао-цзы.

Ся Таочжи услышала эти слова и встала:

— Хорошо! Тогда впредь не разговаривай со мной!

Как же она нравится этому человеку! Разговоры сводят с ума!

Закончив говорить, она спустилась с горы и собралась идти домой.

Она дала достаточное время, чтобы распространились слухи о Лю Шумине и Ся Таохуа.

— Эй! — Се Янь быстро встал, похлопал по траве на своем теле и быстро пошел следом.

Таочжи не собиралась его игнорировать. Се Янь был высоким и подтянутым, в данный момент он шел рядом с ней, прямо загораживая большую часть солнечного света, светившего с запада.

Она проигнорировала его и с холодным лицом пошла к деревне. Каждый раз, когда он злился на нее, она была готова заболеть от его гнева.

— Ся Таочжи! Неужели ты больше не разговариваешь со мной? — Се Янь подошел к ней слева, глядя на ее холодное лицо, его руки были спрятаны в карманах армейских зеленых штанов.

Ся Таочжи проигнорировала его, этот человек всегда был груб, и не являлся знатной особой, но, видя, как он обращается к себе, как к большому человеку, она автоматически вспомнила своего отца Ся Юдэ.

Он тоже часто называл себя Лаоцзы, а потом приказывал ей что-то делать.

Поэтому, слушая этого старика, она испытывала физическое недомогание.

К счастью, это было недолго, иначе дочь не знала бы, как долго ей придется работать на него.

— Ся Таочжи! — Ся Янь увидел, что она по-прежнему игнорирует его. Ему захотелось протянуть руку и сжать ее, но это было несерьезно. В последний раз он плакал, когда сжимал ее руку.

Он почесал голову:

— Я больше никогда не буду называть себя Лаоцзы перед тобой, пойдешь?!

Ся Таочжи остановилась. Се Янь не заметил, и когда она так остановилась, он налетел на нее, столкнувшись, а его руки обвились вокруг ее талии, не давая ей упасть.

В тот момент, когда он обнял ее, его тело напряглось, ее талия была такой тонкой и мягкой, а аромат ее волос, аромат ее тела...

Он — человек с сильной кровью и энергией, и ничего не может с этим поделать.

Он крепко сжал руку, державшую ее, персиковая ветка уперлась в его твердую грудь, лицо покраснелось:

— Отпустите меня!

Се Янь посмотрел на свою собеседницу и подумал, что если бы он мог сейчас поцеловать эту девушку, то ему бы не была страшна смерть.

— Се Янь! — рука Таочжи сжала его пальцы, и она обнаружила, что его пальцы очень тонкие и длинные, но она не может их разнять.

Се Янь отпустил ее и посмотрел на себя сверху вниз. К счастью, брюки, которые он сегодня надел, были ему велики, поэтому он мог лишь смутно...

Ся Таочжи вдруг забыла, что хотела сказать.

Глядя на покрасневшие уши Се Яня, она вдруг подумала, что сейчас Се Янь тоже невинный юноша.

Не может быть.

Ся Таочжи вспомнила, что в прошлой жизни она слышала, что в молодости Се Янь дрался из-за девушки и чуть не захватил разбойничий притон.

Какая девушка ему тогда понравилась?

Нет, в этот раз.

Похоже, она ему действительно нравилась.

В конце концов, она не дурра. Это видно.

Тогда они оба погибли. Через 10 лет. Почему он ничего не сказал?

Он поднял руку:

— Ся Таочжи, не сердись, в будущем я никогда не буду говорить при тебе Лаоцзы, клянусь...

Таочжи сжал его пальцы:

— Не клянись.

Се Янь уставился на нее, не сводя глаз с человека, стоящего перед ней.

Его тонкие губы слегка поджались, а суровое лицо стало несколько мягким:

— Ся Таочжи, я...

Ся Таочжи достала три конфеты и сунула их в руки:

— Се Янь, спасибо.

Спасибо за то, что помог ей победить, спасибо за то, что помог остановить пощечину второго брата, и спасибо за то, что дал ей лекарство.

Все три конфеты были отданы ему, этот парень, хотя его рот иногда и раздражает, но сердце у него неплохое.

После того, как Ся Таочжи закончила говорить, она ушла, а Се Янь стоял и смотрел на конфеты в его руке, на цветную оберточную бумагу фиолетового, синего и красного цветов.

Вкус ирисок должен быть точно таким же сладким, как она.

Он не захотел есть, но поспешил за ней:

— Ся Таочжи, три конфеты чтобы отделаться от меня? Тебе трудно будет это сделать, если ты не проявишь уважения.

— Се Янь, сохраняй лицо. Эй, не будет бесстыдником. К счастью, я уже давно знаю, что ты негодяй, и конфета для тебя уже оплачена.

— Непонятно.

...

Фигуры этих двоих становились все дальше и дальше.

Недалеко от дома Ся Таочжи услышала крик Ся Таохуа и самобичевание Лю Шумина.

Оглянувшись, Се Янь не поняла, когда она исчезла.

Перед Ся Таочжи было много тетушек и дядюшек из деревни, и она не понимала, почему о ней так сплетничают.

— Персиковая ветвь вернулась?! — воскликнула тетья.

Ся Таочжи быстро подошла, глаза ее покраснели. Спектакль должен продолжаться.

Она вошла в дом с принужденной улыбкой и увидела, что Ся Таохуа стоит на коленях на земле, а Лю Шумин сидит на табурете и держится за голову.

Как только Ло Цюйлянь увидела Ся Таочжи, ее глаза наполнились ненавистью:

— Ты вернулся?! Скажи мне! Это ты спровоцировала то, что случилось с твоей сестрой?

Фигура Ся Таочжи дрожала, и всем присутствующим казалось, что она такая жалкая.

Ей так нравился Лю Шумин, но ее обокрала сестра, а также не поняла мать.

Несколько тетушек в деревне уже не могли на это смотреть:

— Ло Цуйлянь, Ся Таочжи не родная дочь тебе?

— Да, Ло Цуйлянь, ты так добра к Цветку персика (к Ся Таохуа) и так жестока к Ветке персика (к Ся Таочжи), ты действительно удивительна.

— Ло Цуйлянь, ты действительно злая!

Когда Ло Цюйлянь услышала слова нескольких женщин, на ее лице отразилась ярость:

— Мать занимается своими детьми, а вы как свекрови встали вокруг? Поторопитесь и уходите!

Ветка персика прислонилась к двери и тихонько всхлипывала. Ее стало так жалко.

Ло Цюйлянь так разозлилась, что подхватила плетенку в руку и шлепнула ее по телу.

Ся Таочжи, естественно, не позволила ей ударить себя. Потянув ее, она закрыла дверь, и рука Ло Цюйлянь ударилась о дверную раму, издав громкий звук.

— Хахаха!

— Ло Цуйлянь, тоже получит свое!

Они не из одной команды, так что беспокоиться не о чем.

Им всем доставляла проблемы Ло Цюйлянь, и сейчас они желали ей умереть от злости.

Лицо Ло Цюйлянь было бледным, и, отступив назад, она наступила на ногу Лю Шумину, и Лю Шумин вскрикнул от боли.

Когда Ли Дунмэй вошла в дом, она услышала крики сына, как она могла ругать его в это время. Она ругала Ло Цюйлянь, когда та вбежала в дом.

— Ты воспитала двух бесстыдниц, только и делают, что пытаются соблазнить моего сына! Ты хочешь быть бесстыжей, дрянь!

— Ли Дунмэй, — Ло Цюйлянь схватилась за грудь, руки снова болели, и она не могла сейчас ее ругать.

Ли Дунмэй было все равно:

— Нам не нужны две девушки из вашей семьи Ся. Можете идти к кому хотите, одна сломанная туфля, другая бесстыжая! Я научилась у тебя, Ло Цуйлянь, старая дворняжка!

Люди за дверью с волнением наблюдали за происходящим, а те, кто был внутри, спешили по своим делам.

Когда Ся Таохуа услышала, как будущая свекровь оценила ее, она рассердилась, и в этом была не только ее вина.

Она посмотрела на Лю Шумина: он так жалко держал голову.

<http://tl.rulate.ru/book/95343/3358927>